

В станице часто можно было слышать: опять Жорка куролесит. Не дай Бог под руку попасть. А все началось тогда, когда он, вернувшись из армии, узнал, что Верунька вышла замуж, не дождавшись его. Ну, и с катушек прочь. Женился на одной — характерами не сошлись.

Вторая ушла, поняв, что не любима. Третья заявила: «Руки на себя наложу, если хоть пальцем тронешь». Разошлись.

Пил он «по-черному». Пьянел и так куражился, что вся улица сбегалась его успокаивать. То ли мстил за поруганное чувство, то ли обиды не мог побороть в себе на то, что не его выбрали.

Вскоре я узнала, что он попал в больницу с язвой желудка. Операцию сделали. Плох. Приехала. Вошла в его холостяцкий дом и ужаснулась. Пустота. Шаром покати: ни стола, ни стула. Лишь кровать (старенькая, с погнутыми спинками) покрыта каким-то серым тряпьем.

— Вот так и живу,— увидел он мою растерянность,— помоги мне, а? Ты же знаешь, ну не пропащий я человек...

Он умолк. Долго молчали.

— Решил я попробовать жениться еще раз.

— ?!

— Да. В больнице увидел женщину моих лет. Не красавица. Таких длинных кос, как у Веруньки, нет. Платочек носит. И кажется мне, что в ней мое счастье.

— У тебя дети есть. Как быть с ними?

— Валентина (бывшая жена) нашла себе помоложе мужчину. Сын после нашего развода остался со мной. Дочь ушла к бабушке. С матерью жить они не захотели. Ты не сомневайся, я совладаю с собой. Так идем?

По дороге он говорил не переставая. Вошли в больничный двор, засаженный декоративными кустарниками, с клумбами и ароматом цветущих растений.

Жорка вдруг рассмеялся. Не сарказм, а радость я услышала в этом смехе.

— Ждет ...

— Кто?

— Она, Марийка. Вон видишь, в том окне шторка шевельнулась...

Она вышла к нам. Маленькая, худенькая, словно цыпленок перед ним — высоким. А глаза! Я таких и не видела. Синь бездонная, а в ней боль и радость, надежда и страх. Сердце защемило у меня. Боже, видимо, немало пережить ей пришлось. Он-то хоть понимает это?..

Жорка скороговоркой — в галоп:

— Все. Я решил. Собирайся. Будем жить вместе...— обратился он к женщине.

Ее словно ударили эти слова. Она вытянула руки вперед: «Нет!». И отстранилась от нас.

«Жора! Не гони лошадей!» — промелькнуло в моей голове. Марийка словно угадала мои мысли:

— Не могу. Женщины в палате сказывали, что пьешь ты сильно. Дерешься... Я такого уже насмотрелась...

Ее рассказ был коротким, но тронул до глубины души.

— В годы войны нас, пятнадцатилетних, фашисты угнали в Германию. Девчонок определили не в концлагерь, а в дома зажиточных. Работали. Ишачила я с утра до темной ночи. Спала и ела вместе со свиньями... Красноармейцы освободили. Уже и не надеялась, что домой, на Украину родную попаду. Да только возвращение было горьким и жутким. Братья как-то сторонились меня. Жалели? Наверное, только не было тепла в этой жалости. Однажды услышала, как сосед вслед сказал: «Немецкая подстилка». И я пешком ушла из села. Подалась на Кубань.... Только чиста я, чиста! — зашлась она в плаче.

Я прижала ее к себе ... Эхом войны отозвался ее рассказ. Горячим. Испепеляющим. До звона в ушах и дрожи в ногах.

Молчим. Мы с Жоркой тоже пережили много чего...

Наконец он заговорил. Глухо. Что-то ему мешало подобрать нужные слова. Он все сглатывал слюну.

— Познал и я немецкий плен. В Югославии бежал из концлагеря. В партизанском отряде воевал с фашистами, пока не пришла Советская армия. Судьбы наши похожи. Вот, при ней обещаю: пить брошу. Не обижу. Только поверь ...

И она поверила.

Шли годы. Жора стал замечать, что его Марийка оттаивает. Чаще улыбается. Плечики распрямляются. С соседями подружилась. В их дом чаще стали заглядывать станичники. Жора уволился со старой работы (от соблазна распить с друзьями бутылочку на троих)... Устроился на строительство животноводческих помещений. Стропальщиком. Работа ему нравилась. Как-то сообщил:

— Просили сфотографироваться. На Доску Почета.

Марийка всплеснула руками, кинулась гладить старенькую рубаху. Нет! Достала из своего небольшого сундучка отрез материала, раскроила и сшила ему новую рубаху.

— Так ты и шить умеешь?

— Жизнь научила...

Купили швейную машинку.

Однажды, вернувшись из поездки (строительство вели в соседнем районе), он увидел такую картину: за швейной машинкой сидели жена и его сын Павлик. Марийка ему что-то рассказывает. Тот внимательно слушает. Восьмикласснику все в новинку. Он, увидев отца, воскликнул:

— Смотри, батя, я сам себе брюки сшил! А все Марийка,— добавил, застеснявшись.

В груди Жоры стало жарко. Нашла, нашла эта женщина к его сынишке подход. Глядишь, и мамой он ее назовет. Семья.

Только и в его семье не все приняли Марийку. Не сразу сложились отношения Марийки и свекра — старого казака Николая Гри-

горьевича. Шумел на сына. Женщину, которая осветила унылое жилье его сына, просто не замечал. В горячках мог и «немецкиной» попрекнуть. Марийка терпела. Жора защищал ее, как мог, от отцовских нападок.

— Та ты не журишь, коханий...— переходя на украинский язык, говорила она супругу — все сладится.

Жора любил ее языковую мешанину. Русский и украинский языки весело переплетались, переливались, понимались. От этого на сердце становилось отрадно. Было в этом столько светлости, напевности. Кто не любит на Кубани украинских песен? Не найдете такого. Они иногда вечером усаживались на крыльцо отремонтированного дома и пели: «Посеяла огирочки», «Ой, при лужке, при лужке», «Плывэ човин»... На импровизированную спевку и соседи сходились.

Радовались за Жорку. Дом стал полной чашей. Вот уже десять лет прожили они вместе. Чем взяла его Марийка? Полюбила она его, полюбила до самозабвения. Любви не скрывала. Жорка и сам удивлялся тому, что слово свое крепко держал. Жить стало интересно.

Поговаривали старики:

— Все эти годы парень не ходит, а летает. Вновь петь стал. Голос-то природой поставлен. Да все Марийкина любовь ...

А тут, что гром среди ясного неба. Николай Григорьевич стал сдавать. Пошел на прием к врачу. А тот ему...

— Вот что, Николай, тебе бы лечь на обследование ...

Николай Григорьевич подкрутил свои поседевшие усы и, глядя прямо в глаза своему давнему другу, спросил:

— Рак?

Молчание в ответ.

— Понимаю. Ты же не скажешь. Сколько мне осталось жить?..

Никому — ни жене, ни сыну — ничего не сказал. Только шагнул за порог дома Жорки. Марийка что-то стряпала. Вкусно пахло свежее испеченными пирогами. Марийка застыла у плиты. Он опустился на табурет. Долго молчал, свесив свою голову на грудь.

— Ты, Мария, прости меня. Ты же не виновата в том, что германца допустили на свою землю, в том, что они творили здесь. Сколько угнали в рабство ... Я был неправ. Не обижайся.

— Та ни, та вы що, та я не обижаюся,— зачастила Марийка,— та вы отведайте пирога с вишнями. Жора любит их ...

Понял он, что она безмерно любит его сына. А ему большего и не надо ...

Не прошло и года. Жена Николая Григорьевича скоропостижно скончалась, а вскоре и он слег. Болезнь съедала старого казака.

Разговор с мужем был коротким:

— Ты вот що, Жора, та перенеси батьку к нам. Я доглядать его стану,— сказала Марийка таким тоном, что возражать было бесполезно. Два месяца протянул казак. Умер на руках у Марийки.

На похоронах судачили. Одни осуждали сноху: дескать, ухаживала, забыв, что он унижал ее, а она все простила. Другие завидовали и ее великому терпению, и огромному уважению к родственникам мужа...

Шли годы. Павлик отслужил в армии, женился. Двух деток родили — дочку и сына. Для молодой семьи Марийка тоже незаменимым человеком стала. Во всем помогала. С детьми, словно квочка кудахта-ла.

Семнадцать лет промелькнули, как Мария вошла в дом Георгия. Однако приближающаяся старость уносила силы, сноровку. Здоровье подкосила неожиданная гибель любимого человека. Это случилось на стройке. Возводили летний лагерь для коров.

— Жора, давай панели цепляй,— крикнул крановщик стропальщику,— до обеда перекроем стены ... Тот выполнил приказ.

— Вира!

И вдруг порыв сильного ветра. Рвануло так, что панель резко развернулась на стропях, и Жору придавило к стене. Умер он мгновенно.

Овдовела Марийка.

Сватались к ней. Отказала.

— До гроба буду верна Жоре. Другого такого не будет...

... Станица, расположенная на берегу горной речки, подвергалась наводнениям. Случалось это чаще летом, когда таяли ледники в горах. В тот год частыми были грозы и ливни. И река затопила полстаницы. Саманные строения рассыпались. Камышовые крыши да мебель уплывали вниз по реке.

Ночью в дом к Марийке постучали:

— Баба Маша,— услышала она голос дочери Павла, внучки Жориной,— приютите. Голыми остались. Ели спаслись.

Приютила. Жили дружно.

В очередной свой приезд на Кубань я была у Марийки. Долго беседовали. Только вдруг она сказала:

— Я пиду жить в стардом.

— Что? Разве тебе негде жить? Ведь этот дом Жора завещал тебе!

— Так надо. Ты не сердись, не расстраивайся. Наденька будет третьє дите рожать. Я ей помощник сейчас никудышный. А в том доме, люди кажут, дюже гарно ухаживают за стариками. Я хату его внучке подпишу. Это же дедово поместье. Сами купить другое они не осият. Так пусть кохаются здесь его правнуки.

Несколько лет жила она в центре для престарелых. В мир иной ушла с именем Жоры на устах. До гроба осталась ему верна, подарив свою любовь и ему, и людям, окружавшим ее.